

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

ОСНОВНАЯ
ОПЕРАЦИЯ

ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ-3

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Основная операция / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 480 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-097475-7

Доведенный жизнью до отчаяния капитан-лейтенант Чижик соглашается угнать и передать террористам ракетный подводный крейсер стратегического назначения; обнищавшие ученые готовы продать одной из ближневосточных стран портативный ядерный фугас, чеченские террористы угрожают взорвать Кремль... Но власти предержавшей не до террористов. Они заняты беспощадной тайной войной: деньги, сферы влияния, расположение Президента... Только генерал Верлинов («Пешка в большой игре», «Акция прикрытия») с преданными ему офицерами и способен спасти страну.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097475-7

© Д.А. Корецкий, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

После осуществления акции прикрытия и достижения оперативных, тактических, психологических преимуществ создаются предпосылки для проведения основной операции...

*Тактика специальных операций.
Учебник для ВУЗов КГБ СССР.
М., 1980*

Глава первая

Атомные секреты в постперестроечной России охраняются из рук вон плохо, как, впрочем, и все остальное, что принадлежит не конкретному человеку, а абстрактному «народу», «обществу» или «государству». Многие, конечно, не согласятся со столь категорическим утверждением, но факты говорят сами за себя. Если генеральный директор финансовой группы «Город» Семен Поплавский заинтересован в обеспечении безопасности и сохранении экономических и прочих тайн своей империи, то держит собственную службу безопасности численностью в полторы тысячи стволов и платит рядовому охраннику пятьсот долларов ежемесячно.

Это в два с половиной раза больше зарплаты ведущего научного сотрудника Института научных исследований бывшего Министерства среднего машиностроения СССР. Нарочито обезличенные названия и Института, и Министерства были призваны ввести в заблуждение коварных агентов иностранных спецслужб еще в те времена, когда даже бдительнейшие сотрудники первых отделов не могли предположить, что обычный советский гражданин способен уроровать секретные чертежи или образцы стратегических материалов с такой же будничной обыденностью, как

4 банку краски, рулон обоев или добрый кусман говяжьей вырезки. И они были правы, ибо в те благословенные годы наши люди знали: что, несмотря на формальный запрет, можно понемногу тащить домой, а о чем даже легковесно подумать нельзя.

Василий Семенович Сливин тогда работал старшим научным сотрудником «почтового ящика двадцать пять», как именовали Институт научных исследований в документах «для служебного пользования», хотя по рангу знал и о подлинном названии своего учреждения, которое можно было встретить лишь в бумагах, защищенных более высокими грифами: «НИИ проблем расщепления ядерных материалов». Расписываясь за почти четырехсотрублевую зарплату, получая еженедельный продуктовый заказ и ежегодную санаторную путевку, он наглядно ощущал преимущества принадлежности к секретно-номерной сфере, входящей элементом в ядерный щит страны.

Тогда Василий Семенович, как и его коллеги, был полностью доволен жизнью. Он по любви женился на Маше Искоркиной из смежного отдела, довольно быстро — к тридцати годам — получил квартиру, по специальной очереди купил машину, а главное — занимался тем, чем хотел. В ядерные исследования не совали нос даже всезнайки из горкома КПСС, а непосредственное начальство приветствовало самостоятельность сотрудников, особенно если те находили новые темы, дающие дополнительное финансирование и расширенные штаты: государство не экономило на ядерном оружии.

Сливин разрабатывал проблему уменьшения критической массы для цепной реакции. Одно время тему хотели закрыть: случайно вникший в вопрос дряхлый маршал заявил, что поиски возможностей снижения мощности взрыва — дело не только бесполезное, но и вредное, а сосредоточить все усилия необходимо на супербомбе, способной уничтожить целый континент.

Но вскоре маршал умер, а потом изменилась 5
и концепция ведения войны: Генштаб признал
целесообразность использования оперативно-тактиче-
ских ядерных зарядов и разработка Сливина оказалась
востребованной. За конструирование мобильного ран-
цевого фугаса он получил Государственную премию,
ученую степень доктора технических наук и свою ла-
бораторию.

Тогда казалось, что это навечно: высокие оклады,
продовольственные пайки и путевки, строгая атмос-
фера бдительности и непроницаемая завеса секретно-
сти. И вдруг все изменилось, причем разложение на-
чалось со святая святых — атмосферы незыблемости
государственной тайны. Переименование конспира-
тивного Министерства среднего машиностроения
в предельно откровенное Министерство по атомной
энергии ошеломило воспитанных в непоколебимом
почтении к режиму секретности сотрудников. В их
понимании, это был столь же непристойный и ци-
ничный акт, как если бы на торжественном вечере по
поводу юбилея Института заместитель директора про-
фессор Воленкова сняла платье, стащила нижнее бе-
лье и, тряся обвисшими грудями, расхаживала по за-
лу, делая вид, что ничего особенного не происходит...
Но бесстыдная расконспирация оказалась только на-
чалом. Вскоре пошло свертывание исследований, со-
кращение штатной численности, снижение объемов
финансирования. Оказалось, что ядерный щит, он же
и меч, нужен Родине куда меньше иностранных инве-
стиций и видимости признания в международной по-
литической тусовке. С огромным трудом доведенные
до ума «объекты» один за другим выводились из режи-
ма активного функционирования и становились в оче-
редь на демонтаж, который обходился гораздо дороже
их производства. Отрасль хирела на глазах.

— Вася, ты закончил? — заглянувшая в крохотный
кабинетик Маша вывела супруга из печальной сосре-

6 доточенности. Она как всегда была аккуратно подкрашена, короткая прическа уложена волосок к волоску — будто пепельная шапочка облегла маленькую головку.

— Да, сейчас пойдём...

Сливин захлопнул прошитую, с пронумерованными страницами и фиолетовой печатью, рабочую тетрадь, сдал ее в секретный отдел, расписался в журнале за то, что не выносит с собой никаких черновиков, набросков и рисунков, после чего приступил к процедуре выхода. Сейчас она заметно упростилась: вместо пяти постов надо было миновать всего лишь два — технической и режимной безопасности. На первом он прошел радио и металлоконтроль, на втором подвергся внимательному осмотру прапорщика с лисьим лицом и сверке личности с пропуском и удостоверением.

Маша уже ждала на улице, возле старой, начинающей ржаветь синей «тройки». Приталенная дубленка-«лизанка» с шалевым воротником, норковая шапка-обманка под мужскую ушанку, высокие, облегающие ноги черные сапоги... Картинка! Топчущийся рядом нескладный Игорь Бобренков из третьей лаборатории — в выношенном драповом пальтеце, облезлой кроличьей шапке и мятых пузырящихся брюках — по контрасту напоминал бомжа. Он разрабатывал проблему ускорения цепной реакции деления тяжелых ядер и был близок к ее решению. А это позволяло в десятки раз увеличить «объем высвобождаемой энергии», как обтекаемо называли специалисты разрушительную силу взрыва.

— Василий Семенович, одолжите две сотни, — довольно жалобно попросил Бобренков. Сутулый, близорукий, с унылым лицом, он не был похож на гения. Хотя если заменить одежду, подобрать модные очки и положить в карман миллион рублей, он наверняка распрямится, повеселеет и приобретет вполне нормальный вид.

— До полочки? — Сливин полез в карман. 7

Еще совсем недавно ему нечем было поддерживать бедствующих из-за задержек зарплаты и постоянно растущей стоимости жизни коллег.

— Да, — Игорь кивнул, бережно принял четыре хрустящих пятидесятитысячных купюры, поблагодарил, потом воровато огляделся по сторонам и тронул Василия за рукав.

— Можно вас отвлечь на несколько минут?

Маша удивленно приподняла тонкие, будто нарисованные брови.

— Ты не мог отвлекать его в рабочее время, дружок? Я замерзла и хочу есть...

— Ну если на несколько минут, — Сливин протянул жене ключи. — Прогрей движок и включи печку.

Увлекаемый похожим на бомжа эсэнэсом¹ Василий Семенович двинулся по тротуару вдоль фасадной стены Института. Он выглядел не в пример респектабельнее своего спутника: блестящая кожа такого же, как у Маши, полушубка, «пирожок» из нерпы, дорогие, на толстой подошве ботинки.

— Николай передал письмо, — продолжая оглядываться, прошептал Бобренков. — У него все в порядке. Полная свобода, любое оборудование, две тысячи долларов в месяц... И к климату он привык...

Дул холодный ветер, секли лицо сухие колючие снежинки, воздух пах приближающимся морозом. На припорошенном асфальте удлинялись две цепочки следов: четкие рифленые узоры и смазанные отпечатки изношенных подошв. Ослепительно-солнечный мир, с изнурительной жарой и иссушающим ветром пустыни, к которому якобы привык старый товарищ Коляша, казался совершенно ирреальным.

— Они приглашают и нас с вами...

¹ СНС — старший научный сотрудник (*профессиональный сленг*).

8 — Кого? — от неожиданности Сливин остановился.

— Меня и вас. Бобренкова и Сливина. С семьями.

Игорь перестал озиаться. Глаза из-за толстых стекол рассматривали Василия Семеновича в упор, строго и требовательно. Как будто это он занял деньги у Игоря и сейчас настало время вернуть долг. Провокация? Или...

— Но я никуда не просился!

— Сам Президент назвал наши фамилии. Они хотят, чтобы мы работали вместе, в одной лаборатории. По одной проблеме.

Сливин машинально двинулся дальше. Следы продолжились. Новенькие утепленные ботинки и сношенные осенние туфли. Уменьшение критической массы и ускорение цепной реакции. Как раз то, что нужно для небольшой, ограниченной в ядерных ресурсах страны, рвущейся к атомному оружию и намеревающейся использовать его в локальных войнах.

— Условия у нас будут совсем другими, — продолжал шептать Бобренков. — Каждому отдельный коттедж, прислуга, четыре тысячи в месяц. По завершении работ сто тысяч премии и выезд в любое государство.

«Или подземная тюрьма и бесплатное авторское сопровождение „изделия“», — подумал Василий Семенович, но вслух ничего не сказал. Они отошли довольно далеко, сзади раздался сигнал клаксона — Маша торопила увлекшегося супруга.

— Видишь ли, Игорь, — проникновенно начал Сливин. — Произошло какое-то недоразумение. Я никогда не собирался никуда ехать. Мне и здесь хорошо. Очевидно, Николай по своей инициативе ввел в заблуждение тех, на кого работает. Так ему и напиши!

Развернувшись, отец ядерного ранцевого фугаса пошел обратно. Бобренков последовал за ним. Может быть, он и не провокатор. Просто оказался в тупике.

Семь лет назад ему светила бы Государственная 9
премия и все сопутствующие ей блага. В разоружающейся во всех смыслах стране его ждет увольнение при очередном сокращении штатов. Точно по закону — как лицо с меньшим стажем. Про гениальность в КЗоТе¹ ничего не говорится. Вот парень и дергается, ищет где лучше. Но зачем он перекрещивает свою дорогу с чужой? Это опасно.

— ...каждому, каждому в лучший мир верится, медленно падает ядерный фугас, — чтобы скрыть озабоченность, Сливин засвистел первый пришедший на ум мотив, но тут же осекся. Ассоциативная память выбрала соответствующую песенку и Василию Семеновичу показалось, что она выдаст окружающим содержание разговора. Да, все это очень опасно.

— Я просто передал, о чем пишет Николай, — виновато сказал Бобренков. — Не обижайтесь...

— С чего мне обижаться! — как можно беспечней ответил Сливин. — Хочешь, довезу до метро?

— Да нет, спасибо... Мне на троллейбусе удобней...

— Ну смотри, — Василий Семенович протянул руку и улыбнулся, показывая, что не придает значения состоявшейся беседе.

— И еще...

В голосе Игоря вновь прорезались жалобные нотки, как будто он решил попросить третью сотню.

— Вы не могли бы порекомендовать меня, если потребуется кого-нибудь проконсультировать? Ко мне никто не обращается, а сводить концы с концами все трудней, особенно когда задерживают зарплату... У вас уже есть своя клиентура, и я мог бы помогать...

«Черт побери!»

Преодолевая себя, Сливин улыбнулся еще шире.

— Ну, ты даешь! Какая «своя клиентура»? Что я — адвокат? Или врач-венеролог? У тех действительно

¹ КЗоТ — кодекс законов о труде.

10 заработки — дай Бог! Просто попросили пару раз замерить уровень и определить соответствие норме, вот и все. Да заплатили по сто пятьдесят тысяч за раз. Конечно, тоже неплохо, но возни много. Жена запретила зря время тратить. Так что если что-то подобное подвернется, я тебе скажу. Идет?

— Спасибо! — Бобренков с чувством тряхнул ему руку и, сильно сутулясь, направился к остановке.

Сливин подошел к испражняющейся бензиновыми выхлопами машине и сел на пассажирское сиденье.

— Я веду? Ура! — обрадовалась Маша и резко рванула с места. Обычно он не доверял жене езде в городе, но сейчас даже не сделал замечания за лихость и не высказал обычных напутствий. Она удивленно покосилась на непривычно молчаливого супруга.

— Чего ты веселишься?

Только сейчас он ощутил напряжение лицевых мышц: поспешно надетая искусственная улыбка не желала отлепляться.

— Игорь смешной анекдот рассказал...

— И я хочу!

— Смотри на дорогу и не отвлекайся. Дома.

В салоне стало жарко и владевшее им напряжение постепенно спадало. Искривленные губы приняли обычное положение. Вначале предложение выехать, потом разговор о консультациях... Совпадение? Но когда речь идет о серьезных вещах, в случайности и совпадения не верят.

Лет восемь назад вошла в моду конверсия, на ВДНХ отвели специальный павильон для оборонных предприятий и устроили демонстрацию товаров народного потребления. У них тоже был свой стенд: выставили несколько бытовых дозиметров, противорадиационные костюмы для обслуживания атомных электростанций и тому подобную ерунду. А через пару дней в «Вечерних новостях» появляется невинная, вроде бы, информация на десять строк: «Научно-исследова-

тельский институт проблем расщепления ядерных материалов представил очень нужные населению приборы для определения уровня радиоактивности, необходимость которых особенно возросла после аварии на Чернобыльской АЭС...» 11

В Институте как бомба разорвалась! На стенде-то написано: «Институт научных исследований Минсредмаша!» Откуда же настоящее, секретное название выплыло?! Первый отдел на ушах стоит, куратор из КГБ землю роет... За газету взялись, а репортеры только руками разводят: «Позвонил кто-то, или по почте пришло, у нас таких сообщений сплошной поток, в каждом номере десятки информации публикуем, а сколько в корзину уходит... Проследить за каждой никакой возможности нет, проверяем только в случае сомнений... А тут какие сомнения — все обычно: выставка есть, приборы есть, какая разница, как стенд называется? Вам что, ребята, делать нечего?» Так и кончилось ничем.

И еще случился казус. Институт выписывал периодическую литературу со всего мира, разумеется, на подставное учреждение, и вдруг на настоящий, засекреченный адрес приходит письмо из Соединенных Штатов: «Мол, такой-то университет начинает выпуск нового журнала по расщепляющимся материалам, не желаете ли оформить подписку?» Снова все на ногах, снова шум, гам, суета...

Только никто это случайностями не посчитал. Расценили оба факта однозначно: как проявление интереса иностранных спецслужб к стратегически важному объекту. Зачем иноразведкам этот свой интерес афишировать? А кто их, гадов, разберет... Но выводы сделали: начальника первого отдела на пенсию отправили, бдительность усилили, инструктаж с сотрудниками провели!

А вот зачем к нему Игорь Бобренков подкатывался? Кто его подослал? Наша контрразведка, чужие развед-

12 службы, конкуренты? И что им всем, сволочам, известно?

Маша вела машину уверенно. За окном мелькали ярко освещенные витрины, вспыхивали разноцветные неоновые рекламы. Красные, зеленые, желтые блики высвечивали тонкий профиль с сосредоточенно сжатыми губами. Дорога требовала внимания, и она напряженно смотрела сквозь лобовое стекло. Не успевшая растаять пороша делала трассу опасной. И поведение Игоря Бобренкова было действительно очень опасным. Глядя на милое лицо жены, Сливин окончательно пришел к такому выводу.

Оставив машину на площадке, в конце панельной девятиэтажки, они пошли вдоль длинного фасада, напоминающего борт океанского теплохода. Почти все иллюминаторы освещены: скоро самый комфортабельный и безопасный в мире лайнер унесет своих обитателей в увлекательное путешествие, где они почувствуют себя спокойными, богатыми и счастливыми, где исполняются сокровенные желания, где торжествуют добро и справедливость... Жаль только, что чудесное путешествие скоротечно и прервется утром противными звонками будильников...

За мусорными баками скорчилась темная фигура, похоже, человек прятался от кого-то или по пьянке справлял нужду. Он что-то бормотал себе под нос — значит, действительно какой-то алкаш. Напротив подъезда распласталась роскошная иномарка с тонированными стеклами. Со стороны водителя стекло было чуть приспущено, в черной щели метались быстрые сполохи цветомузыки, мощные колонки выдавливали наружу рваные децибельные ритмы.

«Как они там не одуреют? — подумал Сливин. — В замкнутом пространстве... Надо иметь огрубленное восприятие и полное отсутствие эмоциональной чувствительности...»

Маша тоже обратила внимание на шикарное авто.

— Надо бы поменять нашу старушку... Та- 13
кую, конечно, не потянем, но «девятку» или
«Волгу» взять, наверное, можно? Как думаешь, милый?

— Можно-то можно, только ее уже так не бро-
сишь... Надо гнать на стоянку, или покупать гараж.
Сплошная морока... — рассеянно ответил Сливин,
а про себя подумал: лишние траты всегда привлекают
внимание контрразведки, даже в современном барда-
ке могут взять на заметку. Он же не в частной фирме
работает.

В лифте они поднялись на шестой этаж, Маша от-
перла недавно поставленную стальную дверь. Сли-
вины жили в стандартной, обставленной без всяких
излишеств, двухкомнатной квартире. Детей у них не
было. В свое время и он, и она достаточно наезди-
лись в командировки: Томск-7, Арзамас-16, Семипа-
латинск... А закономерность проста: если на атомных
объектах работает один супруг, вероятность деторож-
дения снижается на тридцать процентов, если оба —
на семьдесят. За все надо платить.

Как только захлопнулись надежные запоры, зазвонил телефон. Словно звонивший видел, что хозяйева зашли в дом. Сливин почему-то подумал об иномарке у подъезда.

— Слушаю вас, — резко сказал он в микрофон. Большое зеркало на стене отражало его до колен: среднего телосложения тридцативосьмилетнего мужчину с большим выпуклым лбом, растрепанными шапкой волосами, в расстегнутой, сброшенной с одного плеча дубленке, явно чем-то озабоченного.

— Здравствуйте, Василий Семенович, — услышался в трубке приветливый голос, который мог быть и властным, и строгим, и повелевающим — в зависимости от ситуации.

— Здравствуйте, дорогой Сергей Петрович, рад вас слышать, — это не было данью вежливости: человек на другом конце провода решал любые проблемы и Сливин

14 вин сразу же сбросил неприятное напряжение, вызванное Бобренковым, и ощутил чувство облегчения. Хотелось сказать доброму другу что-нибудь приятное, и повод сразу же нашелся.

— Видел вас по телевизору, очень удачное выступление. Если бы я не знал, за кого голосовать, то после передачи уже не колебался.

— Спасибо, Василий Семенович. Сейчас к вам зайдет мой хороший знакомый, окажите ему необходимую помощь. А при встрече мы поговорим обо всем подробно.

Сергей Петрович всегда был предельно краток по телефону.

Сливин не успел положить трубку, как раздался звонок в дверь.

— Кто там? — спросила осторожная Маша, накидывая цепочку.

— От Сэргэя Пэтровича, — гортанно представился высокий крепкий кавказец в длинном кожаном пальто и меховой шапке. Прямо через порог он вручил хозяйке букет голландских роз на метровых стеблях, потом втащил в прихожую позвякивающую стеклом объемную сумку и корзину с фруктами. Кто-то явно помог ему поднять все это на шестой этаж, да и вряд ли он шел так по улице. Значит, это он ждал в ино-марке и сообщил по радиотелефону Сергею Петровичу о возвращении хозяев. Сливин поймал себя на мысли, что еще год назад не обращал внимания на такие детали и не умел их анализировать.

— Вы с работы, я с работы, время ужинать, а здесь уже все готово, — показав на сумку и широко улыбаясь пояснил он, словно был давним другом или даже родственником семьи.

— Меня зовут Лечи, по-русски Леша, — гость быстро разделся и понес сумку на кухню.

Ужин прошел отменно. Отборные дорогие деликатесы, прекрасные вина и коньяки, красочные кавказ-

ские тосты. Лечи был учтив, предупредителен 15
и остроумен.

— Я почэму к вам пришёл? — подняв бокал с маслянистым, ароматным и баснословно дорогим коньяком, вопрошал он. — По делам, да? Нэт! По делам можно на работу прийти, по телэфону позвонить. Так, да? Пусть мужчина скажэт!

Широко распахнутые черные глаза доверчиво уставились на хозяина, искренне ожидая поддержки.

— Так, так, — кивнул Василий.

На самом деле все обстояло совершенно иначе. На работу посторонних не пропускали, а по телефону о делах, по которым к нему обычно обращались, никто не говорит. И гость это прекрасно знал, но бурно обрадовался заведомой неправде.

— Вот, слышала?! — спросил он Машу, будто она сомневалась в его словах. — Я по другому пришёл. Потому что Сэргей Пэтрович сказал: это замечательные люди! Тебэ надо с ними познакомиться. Я и пришёл познакомиться! Так давайте выпьем за знакомство!

Лечи одним махом опрокинул рюмку, супруги последовали его примеру. Коньяк был великолепен.

— Вы на кого-то похожи! — разрозовевшаяся, с блестящими глазами, Маша устала на визитера тонкий пальчик. — Вася, на кого похож Лечи?

Сливин пожал плечами. Ему показалось, что гость настоужился.

— Вспомнила! На Серезу с восьмого этажа! И рост, и фигура, и лицо... Вы его не встретили, когда поднимались? Он поет в ресторане и сейчас должен идти на работу...

— Нэт, никого не встрэтил, — Лечи для убедительности помахал огромной ладонью.

— Жаль, — Маша засмеялась. — А то бы убедились. Он осетин. Вы тоже осетин?

— Какой осэтин! — обиделся Лечи. — Я чечэнец!

— Да-а-а? — Маша перестала смеяться.